

УДК 81'23

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-5-14

**Александр Маркович Шахнарович –
настоящий Ученый, замечательный Человек**

А. Д. Палкин

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия*

Аннотация

Рассказывается о некоторых эпизодах последних лет жизни Александра Марковича Шахнаровича, выдающегося российского психолингвиста и талантливого научного руководителя. А. М. Шахнарович известен прежде всего как исследователь детской речи. Особый интерес представляет периодизация речевого развития в раннем возрасте, разработанная А. М. Шахнаровичем. Показано, что исследования ученого не ограничивались онтогенезом речевой деятельности, а распространялись на широкий круг вопросов – от общетеоретических, таких как структура языкового сознания, до узкоспециальных, таких как лингвистическая экспертиза в криминалистике, диалектология, интонация и модальность, особенности лингвистического анализа текста. При этом именно огромный опыт в изучении детской речи помогал А. М. Шахнаровичу в изучении других направлений психолингвистики. Ученый проявил себя экспертом и в области тех психолингвистических вопросов, которые в большей степени были связаны с собственно лингвистикой, и в вопросах психологии речи. А. М. Шахнарович был ярким апологетом и адептом школы Л. С. Выготского, опираясь в своих трудах на теоретические разработки, сделанные советским ученым в первой половине XX в. Знаменателен тот факт, что и Шахнарович, и Выготский активно занимались исследованием детской речи, стремясь при этом сделать выводы о развитии языковой способности в целом и выйти с прикладного уровня исследования на фундаментальный.

Ключевые слова

Александр Маркович Шахнарович, психолингвистика, детская речь, языковая способность

Для цитирования

Палкин А. Д. Александр Маркович Шахнарович – настоящий Ученый, замечательный Человек // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 5–14. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-5-14

**Alexander Shakhnarovich:
A Genuine Scholar and a Wonderful Person**

Alexei D. Palkin

*Moscow State Linguistics University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

This article dwells on a number of episodes related to the last years of Alexander Shakhnarovich, an outstanding Russian psycholinguist and a talented academic advisor. Alexander Shakhnarovich is known primarily for his research in child speech. The periodisation of speech development in early childhood he worked out is of particular interest. The article pinpoints that Shakhnarovich's research was not related solely to speech development in ontogenesis, but elucidated a broader range of issues from those of general theory, like the structure of language consciousness, to those of special purposes, like linguistic expertise in forensics, dialectology, intonation and modality, peculiarities of text analysis, etc. It was Shakhnarovich's great experience in analysing child speech that helped him to explore other psycho-

© А. Д. Палкин, 2021

linguistic trends. The scientist proved to be an expert both in psycholinguistic issues that were intertwined with pure linguistics and in the psychology of speech. Alexander Shakhnarovich was a remarkable proponent of Lev Vygotsky's scientific school whose theoretical insights made in the first half of the 20th century underlay Shakhnarovich's findings. It is noteworthy that both Shakhnarovich and Vygotsky probed into child speech attempting to make conclusions on language capacity development as a whole and to tap into the fundamental through the applied.

Keywords

Alexander M. Shakhnarovich, psycholinguistics, child speech, language capacity

For citation

Palkin, Alexei D. Alexander Shakhnarovich: A Genuine Scholar and a Wonderful Person. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 5–14. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-5-14

Введение

Данная статья во многом автобиографическая. 5 февраля 2021 г. исполнилось 20 лет со дня смерти в возрасте 57 лет Александра Марковича Шахнарovichа, известнейшего российско-советского специалиста в психолингвистических кругах.

Хочется вернуться к тому времени, когда Александр Маркович был жив. В 1998 г. передо мной встал вопрос о поступлении в аспирантуру, Алексей Алексеевич Леонтьев посоветовал мне обратиться в Институт языкознания к А. М. Шахнарovichу, который в то время занимал должность заместителя директора института. Я пришел к Александру Марковичу и рассказал о своем желании заниматься научной деятельностью. После непродолжительной беседы Шахнарovich сказал: «Я уже не беру аспирантов, но Вас возьму». Я тогда не понял, почему он не берет аспирантов, но был рад тому, что мой вопрос разрешился положительно. Учиться предстояло в аспирантуре МГЛУ.

Дело было весной. Летом Александр Маркович уехал отдыхать, а я принялся готовиться к вступительным экзаменам в аспирантуру и собирать необходимые документы. Как выяснилось несколько позже, мое аспиранство в лингвистическом университете висело на волоске. В конце августа оказалось, что для подачи полного пакета документов для поступления в аспирантуру мне не хватает одной бумаги – рекомендательного письма научного руководителя. Поначалу я не унывал. Экзамен был назначен на 15–16 сентября, и 1 сентября я рассчитывал эту рекомендацию получить. 1 сентября я не застал профессора на рабочем месте. И так продолжалось две недели. Когда 15 сентября я шел в Институт языкознания, я уже много раз подумал о перспективе оказаться в рядах Вооруженных сил Российской Федерации. Эта перспектива не представлялась мне заманчивой. На мое счастье Александр Маркович оказался на месте. Выслушав мою проблему, он тут же повернулся к печатной машинке (компьютеры тогда еще не были распространены), набрал несколько предложений, подписал и сказал, куда идти, что делать и с кем говорить. Этого мне хватило для того, чтобы 16 сентября быть допущенным к экзамену. Я тогда не понял, по какой причине профессор Шахнарovich вернулся с отдыха на две недели позже начала учебного года. Мои мысли занимал экзамен. В итоге экзамен оказался для меня легкой прогулкой.

В 1999 г. вышла в свет книга Шахнарovichа «Детская речь в зеркале психолингвистики». Александр Маркович подарил мне эту книгу. Дело было ближе к лету. Я поехал на море отдыхать и взял эту книгу с собой. Прочел ее на одном дыхании, придя в совершенный восторг. Такого планомерного и всеобъемлющего разбора онтогенеза речевой деятельности нигде ранее встречать не приходилось. Книгу я назвал бы гениальной, но впечатление сильно испортил один изъян: большое количество опечаток. Я рассказал Александру Марковичу о своих впечатлениях по поводу этой книги. Он поблагодарил за похвалу, а про опечатки сказал, что текст набирал человек, который работал очень медленно и не очень умело. И при этом хотелось издать книгу побыстрее, в связи с чем пришлось издать ее со всеми опечатками. Я тогда не понял, почему нельзя было выделить несколько дополнительных месяцев на

редактуру, но было отрадно то, что благодаря этой книге у меня в голове стало появляться понимание о том, что я буду писать в своей кандидатской диссертации.

Когда я перешел на третий курс обучения в аспирантуре, у меня возникла очередная бюрократическая проблема. Секретарь аспирантуры указала мне на то, что в плане научной работы, который Александр Маркович для меня составил, отсутствуют подписи научного руководителя о выполнении каждого пункта плана. Памятуя о былых проблемах с оформлением документов, я пришел к своему научному руководителю и напомнил, что все пункты плана я выполнил, поэтому крайне необходима его подпись. Александр Маркович взял ручку и расписался. Расписался везде. И за первый год обучения. И за второй год обучения. И за третий год обучения, который только начинался. И даже в графе «Защита кандидатской диссертации», до которой еще было далеко. Я тогда не понял, чем заслужил столько авансов, но удовлетворился тем, что у меня стало на одну бюрократическую проблему меньше.

А через полгода Шахнарович умер. И тогда я понял, почему он перестал брать аспирантов, почему придерживался особого режима отдыха, почему торопился издать книгу и, наконец, почему расписался даже в тех пунктах плана, которые я еще не успел выполнить.

И мне больше нечего добавить о том, каким человеком был Александр Маркович Шахнарович, но для меня он навсегда останется Человеком с большой буквы.

У меня же все закончилось хорошо. Кафедра психолингвистики не бросила меня на произвол судьбы, поэтому я не чувствовал себя сиротой. Я уверенно защитил кандидатскую диссертацию и благодарен Е. Ф. Тарасову и Н. В. Уфимцевой, которые поддерживали меня в последние годы учебы в аспирантуре.

Будет уместно рассказать о том, каким научным руководителем был А. М. Шахнарович. Благодаря ему моя учеба в аспирантуре требовала от меня исключительно творческих свершений. Об организационной стороне мне беспокоиться не приходилось. Александр Маркович начал с того, что очертил круг литературы, который мне следовало прочесть для общего развития, что я с большим удовольствием сделал. Он же направил меня в детские сады, с которыми были налажены партнерские отношения, для проведения экспериментального исследования. И как-то он мне сказал: «В библиотеке Института языкознания есть диссертация В. И. Шаховского [1988]. Почитайте». После того как я прочел эту диссертацию, я уже четко понимал, как именно я буду анализировать собранный экспериментальный материал. Даже не представляю, что бы я делал, если бы Александр Маркович не посоветовал мне познакомиться с творчеством Шаховского. Шахнарович никогда не говорил пространно, и когда он давал советы, они всегда были в точку. Это стало очевидно с момента нашей первой встречи. Он спросил меня, что я хотел бы исследовать. В то время меня интересовала тема импринтинга. Александр Маркович объяснил мне, что следует быть реалистом: ни у меня, ни даже у всего Института языкознания в тот момент не было ресурсов для качественного анализа этого явления. Мне было предложено поучаствовать в масштабном проекте по описанию различных аспектов онтогенеза речевой деятельности. Оказалось, что всем своим аспирантам Шахнарович предлагал анализировать речь детей дошкольного возраста с разных позиций. Мне достались лексико-морфологические средства выражения эмоций. И это было очень увлекательное и познавательное исследование под руководством маститого ученого.

Особенно я благодарен ему за переданные мне, можно сказать, в наследство записи экспериментальных исследований, которые Александр Маркович лично проводил в детских садах Москвы в начале 1980-х гг. Он вручил мне подробную расшифровку детских диалогов и на вопрос о том, как долго можно пользоваться этим материалом и в какие сроки его следует вернуть, ответил уклончивым «как-нибудь». Теперь я понимаю, что он знал: это «как-нибудь» никогда не случится.

Я внимательнейшим образом изучил переданные мне бумаги. Уже тогда я увлекался вопросами японской лингвокультуры и с немалым удивлением обнаружил в записях Шахнаровича фразу «Ты уходи отсюда. Тут война. Мы готовимся к войне. Ах ты, япошка! Убирайся!

Он японец вражеский», сказанную неким московским дошкольником во время игры в войну. В конце 1990-х гг. я провел исследование, аналогичное тому, которое проводил Александр Маркович еще в советское время, и в моем корпусе данных не обнаружилось упоминаний о японцах. Когда дети обновленной России играли в войну, то врагами назначались уже не немцы или японцы, а отрицательные герои из мира фэнтези, т. е., в отличие от советских детей, российские дети уже не воспринимают японцев как врагов. Об этом я рассказал моим японским коллегам во время выступления на конференции в Саппоро в 2007 г. Им понравивлось. То же самое я написал в своей статье, изданной по итогам упомянутой конференции [Palkin, 2008]. Так удалось объединить мои разноплановые научные интересы, связанные с детской речью, с одной стороны, с сопоставительным исследованием русской и японской лингвокультур, с другой стороны.

А. М. Шахнарович как исследователь детской речи

Трудно переоценить вклад А. М. Шахнаровича в развитие отечественной психолингвистики. Во всех справочниках о нем пишут как о специалисте по детской речи. Александр Маркович действительно был крупным специалистом в этой области. В качестве иллюстрации в своем вольном пересказе приведу периодизацию речевого развития из книги «Детская речь в зеркале психолингвистики», о которой уже шла речь [Шахнарович, 1999а. С. 150–152].

А. М. Шахнарович пишет о том, что в период развития речи в раннем возрасте наблюдается взаимодействие коммуникативных единиц и когнитивного содержания, в результате чего рождаются новые психические содержания, которые проявляются затем по мере взросления ребенка. Компоненты языковой способности определяются эталонами, которые являются результатом фиксации наименований предметов и явлений окружающего мира под влиянием когнитивных процессов. Шахнарович условно выделяет несколько этапов развития языковой способности. Первый этап заканчивается тогда, когда ребенок научился использовать некоторое количество лексического и грамматического материала в коммуникативных целях в процессе практической – главным образом игровой – деятельности. На данном этапе образуется система эталонов, которая определяет повседневное языковое творчество ребенка. В этот период речь характеризуется ярко выраженной ситуативностью и неотделима от конкретно-предметной ситуации, поскольку предметно-практическая деятельность играет ведущую роль.

Второй этап развития языковой способности характеризуется отделением языковых средств от конкретных предметов, частей ситуации, которые начинают употребляться для обозначения ситуаций, не совпадающих с осью «я / ты – здесь – сейчас». Изменяется и познавательная деятельность: происходит формирование более сложной системы эталонов, которые обеспечивают переход от ситуативности к внеситуативности речи, в частности эталонов дейксиса, локально-темпоральных отношений и т. д. Одновременно значительно расширяются возможности уже сформированных систем эталонов, например эталонов восприятия флексий, предлогов, аффиксов и пр. На фоне развития предметной деятельности, которая начинает все активнее участвовать в развитии речи, стремительный прогресс обнаруживает когнитивная деятельность. Это обусловлено тем, что язык оказывается тем действенным средством, которое стимулирует когнитивные процессы, подготавливая последующие этапы познавательного развития. По гипотезе А. М. Шахнаровича, данный этап является «универсальным и обязательным в развитии любого ребенка в любом обществе и подготавливает выход в следующее когнитивное пространство – социально-коммуникативное» [Там же].

Выход в социально-коммуникативное пространство связан с началом третьего этапа развития языковой способности, который является результатом обогащения социально-коммуникативного опыта ребенка и определяется частотой его контактов с окружающими. Как и на предыдущих этапах, в очередной раз модифицируются и обновляются системы этало-

нов. К эталонам третьего этапа можно отнести типологизацию ситуаций общения, осознание конвенциональных языковых форм для каждого типа ситуаций, вычленение их параметров, соотнесение языковых форм с определенным выбором таких параметров, выявление взаимоотношений параметров, преобладание одних над другими и т. п. Решающая роль в развитии языковой способности отводится коммуникативной деятельности, и ребенок на этом этапе приобретает статус социальной личности, усваивая правила и нормы языкового поведения, т. е. адекватного речевого поведения в типовых ситуациях общения, привязанных к его социокультурной среде.

О неизмеримом вкладе А. М. Шахнаровича в исследование речевой деятельности в онтогенезе было многократно сказано ранее (наиболее подробными работами в этом отношении, без сомнения, являются статьи [Сигал, Юрьева, 2011; Сигал, 2014]) и будет сказано еще не раз. В данной статье, стремясь показать широкий кругозор этого выдающегося ученого, я хотел бы остановиться на тех работах А. М. Шахнаровича, которые посвящены другим и очень специфичным лингвистическим вопросам.

А. М. Шахнарович – исследователь не только детской речи

Самой известной работой такого рода, несомненно, является вышедшее в 1977 г. научное издание «Речь в криминалистике и судебной психиатрии», написанное А. М. Шахнаровичем в соавторстве с А. А. Леонтьевым и В. И. Батовым. В книге не указано, кто именно является автором конкретных глав, поэтому ее следует рассматривать как коллективное творчество, однако думается, что та часть, где ведутся рассуждения о диалектологии, была инспирирована именно Шахнаровичем, так как он обращался к вопросам диалектологии и в других своих работах. «Изображенный Бернадом Шоу в “Пигмалионе” профессор Хиггинс с его умением определять по речи происхождение человека из той или иной части Англии – отнюдь не выдумка Шоу. Практически любой хороший русский диалектолог, послушав диалектную речь, может определить с точностью в худшем случае до области, а обычно до района (в некоторых случаях и до группы деревень) происхождение данного человека» [Шахнарович, 2001г. С. 29]. Далее он подчеркивал, что диалектные особенности речи индивида могут изменяться в результате переезда информанта из одной области в другую, в связи с чем диалектологи различают «первичные» и «вторичные» диалектные признаки. Вместе с тем существует и так называемая «псевдодиалектная» речь, когда человек имитирует некоторый диалект, не являясь его носителем. В результате артисты, пытающиеся имитировать, например, деревенский говор, нередко не справляются с этой задачей, так как не знакомы со всеми нюансами. Точно так же преступник может попытаться сымитировать тот или иной диалект, чтобы ввести в заблуждение следствие, в связи с чем на первый план выходит лингвистическая экспертиза образцов его речи, призванная установить истинную языковую картину.

Диалект у Шахнаровича четко отличается от акцента: «Под акцентом в широком смысле мы понимаем всю совокупность особенностей речи на данном языке, не характерных для речи человека, для которого этот язык является родным, но свойственных речи носителя какого-то *другого* языка. Это фонетические особенности, грамматические неправильности и неправильности в употреблении слов и словосочетаний» [Там же. С. 30]. Любопытно, однако, что даже носители языка не всегда в состоянии отличить диалект от акцента¹.

Продолжая обсуждение рассматриваемого труда, нельзя пройти мимо развиваемого в нем положения о том, что «автор» текста и «исполнитель» текста – это не всегда одно и то же. По всей видимости, данная идея развивалась А. А. Леонтьевым, в практике которого был случай, когда он, проводя лингвистическую экспертизу с целью установления авторства текста, заключил, что исполнителем текста о признании вины был обвиняемый, но автором являлся следователь, который диктовал обвиняемому текст. Практика фальсификации показаний

¹ Занятая история произошла с автором данной статьи. Когда я однажды отдыхал на берегу Байкала, распивающие водку местные жители приняли меня за иностранца из-за моего московского «акания», после чего пришлось убеждать их, что я «свой» (просто не пью).

в советское время была достаточно распространенной. В наши дни она также имеет место. Об этом легко говорить сейчас – в эпоху относительной свободы слова, но для того, чтобы написать о подобных фактах в официальном издании в советское время, требовалась определенная смелость. Мы видим, что и А. А. Леонтьев, и А. М. Шахнарович, и В. И. Батов были людьми не из робкого десятка.

Кроме того, в обсуждаемой коллективной работе проводится мысль о том, что первоначально возникший субъективный метод анализа текста является недостаточно надежным, поэтому предпочтительным является объективный метод анализа, под которым понимается учет формальных характеристик письменной речи, каковых было выделено несколько десятков. «Теоретическим основанием для использования формальных характеристик в целях атрибуции является стохастическая (вероятностная) модель порождения речевого высказывания. Как следствие подобного рассмотрения процессов речепорождения, возникает вопрос минимизации атрибутируемого текста. Действительно, с возрастанием объема (длины) текста частота того или иного речевого элемента стабилизируется. И тогда те частотные показатели, которые характеризуют организацию речевых элементов у данного индивида, в конечном счете, могут быть выявлены» [Шахнарович, 2001г. С. 43].

Весьма злободневно звучат и рассуждения авторов о проблеме ложных показаний: «Общеизвестным является тот факт, что главной – и конечной – задачей следствия является установление объективной истины. При этом достижение истины может идти минимум двумя путями. Первый путь – это процесс сбора данных, прямо, непосредственно или опосредованно свидетельствующих об истине. Второй путь – это преодоление данных, имеющих ложное содержание» [Там же. С. 46]. Авторы приходят далее к выводу о том, что проблема определения лжи – при всей ее сложности – является проблемой психолингвистической.

Интерес А. М. Шахнаровича к диалектологии, о котором уже говорилось на примере рассмотренной выше коллективной монографии, проявлялся и в других его работах. Так, в статье «Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования», изданной в 1974 г., Шахнарович, наряду с перечислением ряда популярных на тот момент методов исследования, писал следующее: «Главными приемами, используемыми диалектологами, являются беседа и опрос. В ходе живой беседы с носителями диалекта или в наблюдении за их беседой исследователь получает фонетический и морфологический материал. При сборе материала по лексике может применяться опрос» [Шахнарович, 2001б. С. 12]. Ученый демонстрирует четкое понимание того, как следует собирать, изучать и описывать диалекты.

В статье «Текст как иерархия программ», увидевшей свет в 1987 г., А. М. Шахнарович проводит идею о том, что «при порождении текста формируются и реализуются несколько программ; эти программы в разной степени определяют “внутренние” и “внешние” компоненты текста, принадлежат к разным сферам. Наконец, эти программы находятся в иерархических отношениях» [Шахнарович, 2001д. С. 224]. Ученый выделяет семь программ. Внутренние программы: семантическая, смысловая, когнитивная и пресуппозитивная. Внешние программы: лексическая, морфологическая и синтаксическая. Здесь же Шахнарович обращается к популярной для лингвистики мысли о том, что строгие границы между указанными программами отсутствуют ввиду их тесного взаимодействия. Выделение данных программ возможно исключительно с целью теоретического анализа [Там же]. Данные рассуждения перекликаются со ставшим хрестоматийным постулатом о том, что языковые системы, которые формируются в онтогенезе, «переливаются» одна в другую, хотя, прибегнув к «методу среза», можно констатировать прогресс языковой способности [Кубрякова и др., 1991. С. 207]. Здесь мы видим работу мысли ученого: различные языковые явления оцениваются по схожей модели – и эта модель становится «визитной карточкой» А. М. Шахнаровича.

В фундаментальном труде «Общая психолингвистика» (1995) А. М. Шахнарович предстает перед нами как адепт Л. С. Выготского, что было, есть и, по всей видимости, будет еще долгое время характерно для очень многих отечественных психолингвистов. Опираясь на

сформулированные в первой половине XX в. идеи Выготского для обоснования современных тенденций развития психолингвистической мысли стало правилом «хорошего тона». Вот как это происходит в работе Шахнаровича: «В известном тезисе Л. С. Выготского о слове как единстве обобщения и общения, коммуникации и мышления заложены, по существу, основы психолингвистического исследования проблем значения не только слова, но и языковых единиц более высоких уровней. Каждая их значимых единиц языка имеет два аспекта: коммуникативный и когнитивный. В зависимости от условий коммуникации, коммуникативной задачи, структуры текста и ряда других обстоятельств коммуникативные и когнитивные аспекты языковых единиц выступают на ведущем или фоновом уровне» [Шахнарович, 2001в. С. 306]. Как известно, во времена Л. С. Выготского термин «психолингвистика» еще не вошел в научный обиход, но идеи, которые разрабатывал советский ученый, были во многом психолингвистическими. Именно об этом и пишет Шахнарович, обращаясь к коммуникативным и когнитивным аспектам языковых единиц.

Отдельной строкой в творчестве А. М. Шахнаровича значится написанная совместно с Б. Е. Арамой работа «Интонация и модальность», которая увидела свет в 1997 г. Детская речь упоминается в ней вскользь. Но и сама цель написания книги в другом: сформулировать общелингвистические теоретические подходы к интерпретации интонационных структур в их связи с модальностью. «В лингвистической науке делались неоднократные попытки дифференцировать и систематизировать модальные значения, установить их иерархию, перспективу. Один из аспектов классификации модальных значений – основной, традиционный – противопоставление объективной и субъективной модальности», – таков основной посыл, с которым ученые подошли к решению вопроса. Далее следуют детали: «По мнению большинства исследователей, объективная модальность – это обязательный признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение. Объективно – модальные отношения выражают отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществленности) и ирреальности (неосуществленности), и главным средством их оформления в этой функции является категория глагольного наклонения, с помощью которой сообщаемое предстает как реально осуществляющееся во времени (настоящем, прошедшем, будущем), то есть характеризуется временной определенностью, или же мыслится в плане ирреальности – как возможное, желаемое, должное или требуемое, то есть характеризуется временной неопределенностью» [Шахнарович, 2001а. С. 382]. Как же определяется субъективная модальность? «Субъективная модальность, т. е. отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания, однако семантический объем субъективной модальности шире семантического объема объективной модальности. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [Там же]. Опять же Шахнарович пишет о размытости границ между этими двумя видами модальности, подчеркивая тем самым, что нечеткость, субъективность, интроспекция – характерные для лингвистики явления, которые не следует рассматривать как недостатки.

Шахнарович и Арама приходят к следующему выводу: «Есть все основания предполагать, что место модальности (в рамках гиперсистемы языковой способности) – в правилах реализации семантического компонента. Именно в этих имплицитных правилах неосознанного характера, которые “стягивают” в себя все структурные компоненты языковой способности и по которым эти компоненты реализуются, модальность и находит свою локализацию. Есть все основания выделить в структуре языковой способности еще один малоописанный ранее (суб)компонент – фонопросодический. О наличии такого (суб)компонента говорят данные, полученные в ходе эксперимента. Предварительно можно предположить, что данный (суб)компонент имеет полифункциональную нагрузку. Однако со всей уверенностью можно

сказать, что наряду с другими функциями фонопросодической (суб)компонент «отвечает» за реализацию в речи модальных отношений» [Шахнарович, 2001а. С. 259].

Отметим присущую стилю А. М. Шахнаровича скромность. В своих работах он стремился избегать категоричных суждений, не претендуя на истину в последней инстанции. По этой причине в его работах можно в большом количестве обнаружить фразы типа «есть все основания предполагать».

Последняя работа, которую мы рассмотрим, называется «К проблеме знакового обозначения и его психолингвистических механизмов» [Шахнарович, 1999б]. Это небольшая статья, изданная в ставшем хрестоматийным сборнике «Общее и восточное языкознание». В этой статье А. М. Шахнарович обращается к проблемам общего языкознания, но анализирует их скорее как психолог, чем как лингвист. Делая это, он в привычной для себя манере в качестве примера приводит свои наблюдения за детской речью. В статье раскрывается сущность учебного, который настроен на исследование проблем самого широкого спектра, но стремится делать это в рамках психологического подхода с опорой на столь полюбившиеся ему исследования речи детей младшего возраста.

Вот как он утверждает важнейшую роль когнитивных процессов индивида в последовательном развитии его средств общения: «Подобно тому, как речь возникла из потребности называния вещей в процессе коммуникации, она может использоваться для обозначения результатов когнитивных процессов, т. е. внутренних психических состояний. По мере фиксации в памяти происходит структурное оформление механизма выделения категориальных признаков. Устойчивая множественная классификация вообще возможна только благодаря разнообразным языковым обозначениям. Только с их помощью в памяти стабилизируются специфические конфигурации признаков, соответствующие категориям, к которым может быть отнесен некий предмет. Таким образом, выделение категорий связано с когнитивными процессами. Специфической особенностью развития средств общения в онтогенезе является переход от целостных, нерасчлененных средств кодирования ситуации ко всё более аналитическим. Это отчетливо наблюдается при анализе изменений, наблюдаемых в онтогенезе при переходе от однословных высказываний к многословным» [Там же. С. 84]. Мы видим, что обоснование психологических процессов происходит на примере отсылки к особенностям онтогенеза речи, эта тема была максимально близка Шахнаровичу. Следовательно, анализируя детскую речь, он получал возможность выхода на более широкий круг вопросов. Такой подход не был чужд и Л. С. Выготскому. Многие его экспериментальные исследования были связаны с детской речью, но это не мешало ему делать выводы обобщающего характера о взаимозависимости мышления и речи. Оба ученых проводили свои исследования прикладного характера с прицелом на выводы фундаментального порядка.

Заключение

Приведенные примеры из творчества А. М. Шахнаровича, разумеется, нельзя назвать исчерпывающим перечнем его работ, не связанных напрямую с возрастной психолингвистикой. Такая задача не решаема в рамках отдельно взятой статьи. Нашей задачей было продемонстрировать многогранность этого ученого. Нельзя отрицать его особый интерес к детской речи. Более того, рискнем заявить, что Шахнарович был одним из ведущих специалистов в мире в области онтогенеза языкового сознания и языковой способности. Между тем его вклад в другие аспекты психолингвистических исследований не следует недооценивать. Я намеренно включил в данную статью большое количество цитат, чтобы показать все разнообразие тем, которые интересовали А. М. Шахнаровича.

Представленная на суд читателей статья является попыткой отдать дань научному гению ученого, который, досконально разбираясь в некотором вопросе, не ограничивался им, а стремился максимально разнообразить свою научную деятельность, и в этом он также преуспел. Остается только сожалеть о его безвременной кончине.

Сейчас Александра Марковича нет с нами, но живут его школа, его ученики, которые продолжают научную работу и стараются поддерживать на должном уровне ту высокую планку, которую Шахнарович некогда задал.

Подытоживая основные идеи данной статьи, необходимо снова подчеркнуть, что Александр Маркович Шахнарович – не просто большой ученый, но и незаурядная личность; не только специалист по исследованию детской речи, но и психолингвист широкого профиля; не только ученый мирового уровня, но и талантливый руководитель, взрастивший плеяду ученых; не только автор многочисленных книг и статей, но и образец для подражания.

В последние годы в своей научной работе я редко обращаюсь к проблемам онтогенеза речи, но те базовые методы ведения научной работы, которые мне привил Александр Маркович, помогают мне до сих пор и в пошаговом планировании новых исследований, и в интерпретации научных данных, с какой бы сферой лингвистики они ни были связаны.

Список литературы

- Кубрякова Е. С., Шахнарович А. М., Сахарный Л. В.** Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 239 с.
- Сигал К. Я.** А. М. Шахнарович и современная психолингвистика // Вопросы психолингвистики. 2014. № 22. С. 9–15.
- Сигал К. Я., Юрьева Н. М.** Памяти А. М. Шахнаровича (1944–2001) // Вопросы психолингвистики. 2011. № 13. С. 182–190.
- Шахнарович А.** Интонация и модальность // Шахнарович А. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. М.: Гуманитарий, 2001а. С. 371–464.
- Шахнарович А.** Лингвистический эксперимент как метод лингвистического и психолингвистического исследования // Шахнарович А. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. М.: Гуманитарий, 2001б. С. 10–15.
- Шахнарович А.** Общая психолингвистика // Шахнарович А. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. М.: Гуманитарий, 2001в. С. 281–370.
- Шахнарович А.** Речь в криминалистике и судебной психологии // Шахнарович А. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. М.: Гуманитарий, 2001г. С. 21–68.
- Шахнарович А.** Текст как иерархия программ // Шахнарович А. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. М.: Гуманитарий, 2001д. С. 223–225.
- Шахнарович А. М.** Детская речь в зеркале психолингвистики. М.: Современный писатель, 1999а. 166 с.
- Шахнарович А. М.** К проблеме знакового обозначения и его психолингвистических механизмах // Общее и восточное языкознание / Под ред. А. М. Шахнаровича и др. М.: Современный писатель, 1999б. С. 79–85.
- Шаховский В. И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе: на материале английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988. 402 с.
- Palkin, A.** Games of Russian pre-school children in Soviet and post-Soviet periods: Comparison. In: *Kyoosanken no Nichijoo Sekai*. Ed. by T. Mochizuki. Sapporo, Hokkaido Daigaku; SRC, 2008, p. 35–45.

References

- Kubryakova, E. S., Shakhnarovich, A. M., Sakharniy, L. V.** Human Factor in Language: Language and Speech Production. Moscow, Nauka, 1991, 239 p. (in Russ.)
- Palkin, A.** Games of Russian pre-school children in Soviet and post-Soviet periods: Comparison. In: *Kyoosanken no Nichijoo Sekai*. Ed. by T. Mochizuki. Sapporo, Hokkaido Daigaku; SRC, 2008, p. 35–45.
- Shakhnarovich, A.** Intonation and modality. In: *Shakhnarovich, A. Selectas, Memoirs by Friends and Disciples*. Moscow, Gumanitariy Publ., 2001, p. 371–464. (in Russ.)

- Shakhnarovich, A.** Linguistic experiment as a method of linguistic and psycholinguistic research. In: Shakhnarovich, A. *Selectas, Memoirs by Friends and Disciples*. Moscow, Gumanitarniy Publ., 2001, p. 10–15. (in Russ.)
- Shakhnarovich, A.** General psycholinguistics. In: Shakhnarovich, A. *Selectas, Memoirs by Friends and Disciples*. Moscow, Gumanitarniy Publ., 2001, p. 281–370. (in Russ.)
- Shakhnarovich, A.** Speech in criminalistics and forensic psychology. In: Shakhnarovich, A. *Selectas, Memoirs by Friends and Disciples*. Moscow, Gumanitarniy Publ., 2001, p. 21–68. (in Russ.)
- Shakhnarovich, A.** Text as a hierarchy of programmes. In: Shakhnarovich, A. *Selectas, Memoirs by Friends and Disciples*. Moscow, Gumanitarniy Publ., 2001, p. 223–225. (in Russ.)
- Shakhnarovich, A. M.** Child Speech in the Mirror of Psycholinguistics. Moscow, Sovremenniy pisatel, 1999, 166 p. (in Russ.)
- Shakhnarovich, A. M.** On the problem of sign denotation and its psycholinguistic mechanisms. In: *General and Oriental Linguistics*. Ed. by A. M. Shakhnarovich et al. Moscow, Sovremenniy pisatel, 1999, p. 79–85. (in Russ.)
- Shakhovsky, V. I.** Categorisation of emotions in a lexical-semantic system; on the basis of the English language. Doctor of Philological Sciences Dissertation. Moscow, 1988, 402 p. (in Russ.)
- Seagal, K. J. A. M.** Shakhnarovich and modern psycholinguistics. *Problems of Psycholinguistics*, 2014, no. 22, p. 9–15. (in Russ.)
- Seagal, K. J., Iurieva, N. M.** In memory to Alexandr M. Shakhnarovich (1944–2001). *Problems of Psycholinguistics*, 2011, no. 13, p. 182–190. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

03.09.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Палкин Алексей Дмитриевич, доктор филологических наук, профессор факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Москва, Россия)

Alexei D. Palkin, Doctor of Philological Sciences, professor of the English Language Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

p-alexis@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9865-1693